

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЧЕСТНЫМИ НАМѢРЕНІЯМИ (*).

(Продолженіе.)

IV.

СОСЛУЖИВЦЫ.

Въ тѣ блаженные дни, когда я не имѣлъ еще часовъ, но зато покоенъ былъ духомъ, служебныя обязанности исполнялись мною очень аккуратно, безъ помощи этого инструмента и безъ напоминанія барабанщика. Всегдашняя легкость желудка и интересъ, представляемый боевою службою, поднимали меня до зори. Военныя обстоятельства, бросая безпрестанно, въ числѣ прочихъ, и меня изъ одного мѣста въ другое, давали возможность видѣть пную природу, всегда разнообразную, быть въ ипыхъ положеніяхъ и испытывать ощущенія, сегодня противоположныя тѣмъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился вчера. Какъ тутъ не вставать рано? И я вставалъ, не имѣя надобности въ будильникъ; вставалъ даже именно въ тотъ часъ, о

(*). См. «Военный Сборникъ» 1858 г. №№ 2 и 3 и 1859 г. № 8.

которомъ задумывалъ съ вечера, ложась спать; не разъ случилось мнѣ повѣрять свою аккуратность: она всегда бывала примѣрною. Такова ужъ привилегія бивуачной жизни. Эту аккуратность, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ кочевыхъ привычекъ, внесъ я въ свою семейную жизнь, и теперь, задумавъ съ вечера, по уходѣ комиссара, встать въ половинѣ шестаго—всталъ именно въ это время.

Надѣвъ визитный костюмъ, напившись на скоро чаю, отправился я къ моимъ сослуживцамъ, съ просьбою — любить меня и жаловать.

Слѣдуя указанію встрѣчныхъ солдатъ, я подошелъ наконецъ къ дому моего помощника, который, мимоходомъ сказать, оказался въ послѣдствіи не маіоромъ, а коллежскимъ ассессоромъ, и совсѣмъ не Сизоперцовымъ, а просто, Зисперсомъ. Зисперсъ, Сизоперцовъ!.... Только русскій солдатъ съумѣетъ выкроить изъ скромной нѣмецкой фамиліи эдакую звучную русскую! Чего тутъ нѣтъ: и для зрѣнія, и для вкуса!....

Домъ помощника построенъ противъ всѣхъ правилъ архитектуры, въ два окошка по фасаду. Впрочемъ, едва ли ломалъ архитекторъ свою голову надъ этимъ зданіемъ: просто, какойнибудь курчавый плотникъ Ерѣма, да два солдата Гальцовъ и Пальцовъ сварганили всю эту штуку въ пять—шесть дней: тяпъ, да ляпъ—клѣтка: домъ помощника смотрителя Тыртолѣскаго госпиталя. Страховой доски на домѣ я тоже не замѣтилъ; да врядъ ли и согласилась бы какаянибудь компанія принять его на свой страхъ: не много процентовъ съ него пришлось бы акціонерамъ въ дивидендъ.

Взойдя по тремъ плохимъ ступенькамъ на такое же плохое крыльцо, я вступилъ въ сѣни и въ недоумѣніи остановился, увидѣвъ одну дверь на право, а другую на лѣво. Дѣтскій крикъ съ правой стороны разрѣшилъ мои сомнѣнія, — и я отворилъ дверь налѣво.

Перешагнувъ черезъ порогъ, я столкнулся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который, заложивъ руки за спину и держа въ зубахъ сигару, расхаживалъ скорыми шагами по комнатѣ. Мое появленіе не имѣло ни малѣйшаго вліянія на его занятіе: онъ отвернулся отъ меня и пошелъ къ противоположной стѣнѣ, точно такъ же, какъ сдѣлалъ бы это и тогда, еслибъ я не входилъ въ

комнату. Было ясно, что онъ дѣйствовалъ сообразно заранее составленному маршруту. Дойдя до расположеннаго въ углу столика, онъ взялъ стоявшій на немъ стаканъ съ чаемъ, и не поворачиваясь ко мнѣ, спокойно сталъ потягивать уже остывшій напитокъ. Это дало мнѣ возможность разсмотрѣть его фигуру сзади. Но сзади, я увидѣлъ только форменный комиссаріатскій сюртукъ, вышедшій, повидному, изъ той же мастерской, изъ которой вышелъ мундиръ комиссара; да еще, что сюртукъ надѣтъ на человѣка средняго роста, не толстаго и не худощаваго, съ лысиной не кончавшейся на макушкѣ, а начинавшейся съ того мѣста, откуда она обыкновенно начинается.

Но вотъ, помощникъ мой поставилъ стаканъ и повернулся ко мнѣ лицомъ. Лицо показалось мнѣ знакомымъ; но гдѣ и когда я его видѣлъ—припомнить никакъ не могъ. Бросивъ на меня бѣглый взглядъ и вслѣдъ за тѣмъ, опутивъ по прежнему глаза, Зисперсъ, казалось, намѣревался спокойно продолжать свою прогулку, не безпокая меня распросами, а себя догадками, о причинахъ появленія въ его домѣ незнакомаго человѣка. Для провинціи, и притомъ, для такой глуши, какъ Тыртолъскскъ—это много; но я приписалъ отсутствіе любопытства въ моемъ помощникѣ—его нѣмецкой флегмѣ.

— Честь имѣю рекомендоваться: поручикъ Гурдинъ, сказалъ я, поклонившись.

Онъ подошелъ ко мнѣ. Нимало не стѣсняясь, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, оглядѣлъ съ головы до ногъ; потомъ, произношеніемъ обличавшимъ обрусѣвшаго Нѣмца и выговаривая «ихъ» вмѣсто «ихъ», спросилъ:

— Вы назначены смотрителемъ госпиталя?

— Да.

Онъ еще посмотрѣлъ на меня, и съ видомъ сожалѣнія покачалъ головою.

— Не плачь Стѣпка, заживетъ встрѣпка! сказалъ онъ, отворачиваясь отъ меня и начиная опять ходить по комнатѣ.

Я глядѣлъ на него большими глазами, не зная, что подумать объ этомъ приѣмѣ.

— Садитесь! сказалъ онъ, сдѣлавъ одинъ туръ по комнатѣ.

Я сѣлъ, ожидая съ любопытствомъ, чѣмъ все это разыграется. Онъ сдѣлалъ еще туръ и снова остановился противъ меня.

— Вы думаете, я васъ не знаю, началъ онъ: — нѣтъ, я помню, какъ вы юнкерншккой служили, да зимой, въ одной шинелишкѣ, за козачками бѣгали.... Я это помню, даромъ, что тогда, только что на свою должность сталъ.

Теперь и я вспомнилъ, что передъ производствомъ моимъ въ офицеры, дѣйствительно, пріѣхалъ въ госпиталь помощникъ, о которомъ говорили, какъ о самомъ добрѣйшемъ изъ всѣхъ Нѣмцевъ въ мірѣ. Физиономія его очень мало измѣнилась противъ того, какою была тринадцать лѣтъ назадъ: тоже доброе лицо, а на лицѣ таже свѣжесть, скрадывающая десятка два годовъ; тѣже сѣро-голубые нѣмецкіе глаза, которыхъ можно было бы называть прекрасными, еслибы въ нихъ было по болѣе блеска и выраженія; и только узкая лысина посреди черепа говорила, что не вчера мы видѣлись въ послѣдній разъ съ Карломъ Абрамычемъ.

Я былъ очень обрадованъ его напоминаніемъ, и ужь хотѣлъ было выразить свое удовольствіе по поводу теперешней встрѣчи, но онъ перебилъ меня.

— А теперь, продолжалъ онъ: — вы, вотъ, смотритель, а я вашъ помощникъ!...

Онъ съ упрекомъ покачалъ головою.

— Ну, не плачь Стѣпка, заживетъ встрѣпка! повторилъ онъ, вздохнувъ, и снова отходя отъ меня прочь.

Какъ ни усердно старался я подобрать въ умѣ фразу, чтобы сказать ему что-нибудь въ отвѣтъ, оригинальность его собственной рѣчи сбивала меня съ толку, и я придумалъ только одно: смотрѣть на него во всѣ глаза и слушать со вниманіемъ, что онъ будетъ говорить.

Сдѣлавъ еще туръ, онъ опять остановился передо мною. Кажется, такимъ порядкомъ онъ всегда принимаетъ своихъ гостей, не исключая и угощенія фразою, столь утѣшительною для Стѣпки.

— А вѣдь я съ отцомъ вашимъ служилъ, сказалъ онъ вынувъ изо рта сигару и продолжая безсознательно смотрѣть на меня:—хорошій старпкъ былъ.... товарищами были: въ областномъ совѣтѣ полтора года вмѣстѣ лямку вытянули.... помогалъ таки старику работать....

Не могло быть благопріятнѣе случая, чтобы и мнѣ съ своей стороны сказать что нибудь.

— Мнѣ очень пріятно, началъ я....

Карлъ Абрамычъ разсвирѣпѣлъ.

— А вы думаете мнѣ пріятно поцать теперь подь вашу команду? перебилъ онъ меня:—нѣтъ вы ошибаетесь.... Вы вѣдъ молокосось еще: вонъ, вонъ молоко на губахъ.... А я.... смотрите!

Онъ наклонился и показалъ мнѣ свою лысину. Ясно, что сердиться не слѣдуетъ.

— Да; такъ вы ошибаетесь, что мнѣ пріятно, продолжалъ онъ, становясь въ прежнюю позу:—только, Карлъ Абрамычъ все терпите!... За то, когда нужно какой нибудь госпиталь исправить, или кому нибудь лицомъ его показать, кого посылаютъ—Засперса! А когда нужно какую нибудь пакость съ чиновникомъ сдѣлать, такъ съ кѣмъ ее дѣлаютъ—съ Карломъ Абрамычемъ.... Вотъ и теперь: меня сдѣлали вашимъ помощникомъ!...

Карлъ Абрамычъ сильно пожалъ плечами и горько усмѣхнулся.

— А, да не плачь Стѣпка, заживетъ встрѣпка! трагически произнесъ онъ, снова отходя отъ меня.

Сдѣлавъ указной туръ, онъ опять остановился.

— А вы, можетъ, думаете, что я имѣю что нибудь отъ госпиталя? Ей-Богу нѣтъ? Оумичъ все себѣ беретъ.... Вотъ, на дняхъ принесъ мнѣ 10 рублей: «больше, Карлъ Абрамычъ, нѣту, говорить: вы знаете, говорить, какое время сентябрь: самъ генераль ѣздитъ въ госпиталь, а хозяина у насъ нѣту»... Знаю я, какое время сентябрь: тысячу двѣсти больныхъ — это такое время, что Оумичу бенефисъ... Ну, да я молчу: я не корыстолюбивъ... Я никогда больше этого не имѣлъ отъ госпиталей, а управлялъ шестью, всегда благодарности очень большія отъ начальства получалъ, и вотъ еще.... Онъ взялъ съ другаго стола анненскій крестъ и показалъ его мнѣ:—видите? Я и теперь такъ держу себя: дѣлайте господа, что хотите, вы и отвѣчайте за все.... А я буду себѣ съ сигаркою по госпиталю расхаживать, да спокойно себѣ сердце веселить.... Мое дѣло — беззаботность....

Онъ вдругъ замолчалъ и отошелъ отъ меня.

Кажется, въ послѣднемъ его словѣ заключается весь секретъ неудачъ его по службѣ и причина неблаговоленія къ нему судьбы.

Послѣдній туръ Карла Абрамыча ознаменовался веселымъ расположеніемъ духа, вызваннымъ, повидимому, какими нибудь воспоминаніями.

— А хорошо, однако, подготовилъ я вамъ госпиталь! сказалъ онъ, останавливаясь на обычномъ мѣстѣ и улыбаясь такъ, какъ будто хотѣлъ подавить громкій неприличный смѣхъ:—хорошо подготовилъ: въ пять лѣтъ не поправите!...

Онъ громко и отъ души разсмѣялся, позабывъ, что этимъ самымъ противорѣчитъ собственному отзыву о способности своей исправлять госпитали и показывать ихъ лицомъ. Замѣтно, что впечатлѣнія живо смѣнялись у него одно другимъ.

— Служителя пьянствуютъ безъ удержа, продолжалъ онъ, положивъ мнѣ руку на плечо и не переставая смѣяться:—въ палатахъ какъ въ кабакѣ.... Будетъ вамъ работы!...

Онъ помолчалъ немного.

— Ну, да не плачь Стѣпка, заживетъ встрѣпка! началъ онъ опять похлопавъ меня по плечу:—вы, можетъ быть, думаете, что я виновать? А чѣмъ я виновать? Я вѣдь гражданскій чиновникъ: гдѣжь мнѣ съ солдатами возиться? Почему я знаю, какъ ими нужно командовать?... Вонъ я фармацевтомъ прежде былъ.... хорошимъ былъ фармацевтомъ: такая у меня аптека была, что нынѣшній аптекарь тысячъ тринадцать серебромъ кладетъ себѣ въ карманъ каждый годъ; одно слово—Краснобѣльская запасная аптека!... Ну, вы думаете, я что?... А я шишъ получалъ, даромъ, что хорошимъ фармацевтомъ былъ, лучше теперешняго аптекаря.... Однако, я фармацевтомъ хорошимъ былъ, а ротнымъ командиромъ не общался.... Это, все равно, что я, вотъ, напримѣръ, сапожникъ.... нѣтъ, нѣтъ я не сапожникъ, я пирожникъ, я пирожникъ, а «мнѣ» заставляютъ сапоги *сошить*!... Какіе сапоги я сошью, Господи милостивый?... Смѣшное горе!

Кончивъ этотъ монологъ, Карлъ Абрамычъ собирался снова отправиться въ свой вояжъ; но я всталъ въ намѣреніи откланяться, потому что не предвидѣлъ въ дальнѣйшихъ его разсказахъ разнообразія, которое могло бы принести мнѣ какую нибудь пользу.

— Вы въ такое положеніе привели госпиталь, сказалъ я, тоже смѣясь:—что мнѣ необходимо приняться скорѣе за его исправленіе.... Прощайте, Карлъ Абрамычъ. Очень радъ, что съ

вами познакомился.... Когда вамъ будетъ угодно начать сдачу и съ чего именно?

— Ну прощайте! равнодушно отвѣчалъ онъ:—исправляйте, исправляйте! Желаю вамъ!...

Не кончивъ рѣчи, онъ вдругъ расхохотался.

— А нынѣшній-то генераль — у!... Вотъ будетъ вамъ ужѣ!...

Онъ опять засмѣялся.

— Ну, да не плачь Стѣпка, заживетъ встрѣпка!...

— Когдажъ вамъ будетъ угодно начать сдачу? спросилъ я опять, смѣясь также чистосердечно, какъ и самъ Карль Абрамычъ.

— А хотъ сейчасъ.

— Съ чегожъ мы начнемъ?

— А съ чего хотите: вы только скажите Барабанову, онъ все приготовить.

— Но вѣдь Барабановъ фельдфебель....

— Да фельдфебель.... а вы видѣли его? Какъ онъ вамъ казался? Не правдали, что очень ловкій молодецъ?... Я долженъ вамъ сказать, что очень люблю поощрять расторопность.... Барабановъ такой расторопный, что.... вотъ вчера канатный плясунъ пріѣхалъ—вы его увидите сегодня: но онъ не такой расторопный какъ Барабановъ.... Я за это въ фельдфебеля его произвелъ.... Онъ мое созданіе....

— Но послушайте, Карль Абрамычъ, какимъ же образомъ Барабановъ будетъ славать госпиталь? Вѣдь это совсѣмъ не его дѣло.

— О, помилуйте, да это и не мое дѣло! сказалъ онъ на распѣвъ, точь-въ-точь, какъ бывало мой корпусный учитель Нѣмецъ Иванъ Иваннычъ говаривалъ мнѣ: «О, господинъ Гурдинъ! Почему вы спите? Я вамъ за это нуль поставлю!...»

— Чьежъ это дѣло, Карль Абрамычъ? сказалъ я:—мнѣ кажется, именно ваше.

— О, нѣтъ! зачѣмъ я буду мѣшаться? Я былъ калифъ на часъ: я ни во что не мѣшался.

— Но вѣдь вы приняли же отъ Жигулина казенное имущество?

— О, нѣтъ: Ѳомичъ считалъ, а я ничего не смотрѣлъ.

Какъ же мы будемъ?

— А такъ же: Оомичъ сдать имущество, а Барабановъ роту.

— Помилуйте, какъ же Барабановъ будетъ сдавать роту?

— А я какъ буду сдавать роту? я не умѣю командовать.

Сообразивъ, что больше ничего отъ него не добьюсь, я расклаваясь и вышелъ, недовольный Карломъ Абрамычемъ.

«Впрочемъ, чтожь, разсуждалъ я дорогою:—Карлъ Абрамычъ, новидимому, безпечень, и по всей вѣроятности, не знаетъ своего дѣла. Но за всѣмъ тѣмъ, справедливо ли будетъ причислять его къ категоріи людей, возбуждающихъ противъ себя общественное мнѣніе? Кажется нѣтъ. Если онъ вреденъ для службы, то именно потому только, что не въ состояніи принести пользы, не сумѣетъ этого сдѣлать. За то, онъ не сумѣетъ и, даже можно поручиться, не захочетъ сдѣлать и зла. За то Карлъ Абрамычъ беретъ, или пожалуй, получаетъ по своей должности сверхъ казеннаго содержанія, только десять рублей въ мѣсяць; и я, хоть не знаю еще цифры доходовъ госпитальныхъ чиновниковъ, но готовъ поручиться, что правительство считало бы себя вполне счастливымъ, еслибъ всѣ чиновники брали сверхъ положенія, по десяти рублей въ мѣсяць.... Говорилъ мнѣ еще управляющій, что Карлъ Абрамычъ—пьяница: не знаю, я не замѣтилъ.... Я видѣлъ, что онъ чай пилъ; можетъ быть, онъ ужь слишкомъ много его пьетъ? Или, можетъ быть еще слишкомъ рано, для того, чтобъ увидѣть его пьянымъ?... Но я и этого не думаю: физиономія Карла Абрамыча совсѣмъ не обѣщаетъ въ немъ поклонника Бахуса....»

Съ окончаніемъ этихъ размышленій, я подошелъ къ дому главнаго доктора и постучался въ бѣлую дверь подъѣзда. Заспаннѣйшій денщикъ встрѣтилъ меня съ метлою въ рукѣ и съ раскрытымъ зѣвотою ртомъ.

— Дома докторъ? спросилъ я.

— Барыня спитъ, а баринъ на базаръ ушли.

— Ну, а гдѣ комиссаръ живетъ?

— А вотъ прямо-то по проулку; опосля направо, а тамъ на лѣво; да одинъ проулокъ-то пройдеши и другой переулокъ перейдеши; а въ третьемъ проулкѣ угольный домъ: онъ и есть комиссарскій.

Прошолъ я одинъ проулокъ, перешелъ и другой; на углу третьяго, останзвился. У воротъ стоялъ хромой солдатъ.

— Здѣсь живетъ господинъ Гаврющенко? спросилъ я у него.

— Никакъ нѣтъ: Гаврющенко здѣсь не живетъ.

— Какъ же, мнѣ сказали, что это его домъ?

— Ни какъ нѣтъ: это не Гаврющенкинъ домъ.

— Ну, такъ не знаешь ли, гдѣ онъ живетъ?

— Гаврющенка-то?

— Да.

Солдатъ не много подумалъ, не много почесался, потомъ отвѣчалъ.

— Должно на томъ углу.

Опъ указалъ назадъ.

Я вернулся назадъ; подходя «къ тому углу», я встрѣтилъ старика—солдата, повидному, госпитальнаго инвалида.

— Ты въ госпиталѣ служишь? спросилъ я у него.

Въ госпиталѣ, ваше благородіе; при чехаузѣ нахожусь.

— А, такъ ты долженъ знать, гдѣ господинъ Гаврющенко живетъ.

— Какой такой Гаврющенка, ваше благородіе?

— Да комиссаръ твой!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: у насъ комиссаромъ Ѳомичъ, а не Гаврющенко.

— Да, да, Ѳомичъ! вскричалъ я, вспомнивъ прозвище, подъ которымъ комиссаръ больше извѣстенъ здѣсь.

— Такъ онъ вонъ гдѣ живетъ, отвѣчалъ «чехаузный», указывая на тотъ самый домъ, у воротъ котораго я нашелъ хроматого солдата:—это ихній домъ собственный: у покойнаго письмоводителя купили, а письмоводитель у батюшки въ карты выигралъ....

— Ну хорошо, любезный, ступай себѣ съ Богомъ: теперь я и самъ дойду.

Но подходя къ комиссарскому дому, при болѣе пристальномъ на него взглядѣ, оказалось, что въ прежній приходъ я не замѣтилъ нѣкоторой его особенности: высокія, прочно сколоченныя ворота, стояли между двумя строеніями, недвижностью комиссара и другимъ, тоже длиннымъ, низенькимъ домомъ, повидному, принадлежащимъ совсѣмъ иному хозяину. Другаго входа не было видно ни къ комиссару, ни къ его сосѣдямъ. Подойдя ближе, я замѣтилъ въ палисадникѣ сосѣдняго дома

двухъ человекъ, очень дружелюбно разговаривавшихъ между собою. Одинъ изъ нихъ, высокій и отиѣнно толстый мужчина, стоялъ облокотившись на ограду палисадника обѣими руками, на которыя положилъ и голову. Въ этой спокойно беззаботной позѣ, онъ не позаботился даже запахнуть бывшій на немъ богатый халатъ изъ термаламы, свободно открывавшій, такимъ образомъ, нижнее бѣлье, тоже очень дорогое и бѣлизны необыкновенной.

Товарищъ его, низенькій, черномазый офицеръ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, но застегнутомъ на всѣ пуговицы, рассказывалъ ему что-то очень сложное, причемъ безпрестанно называлъ его дядею; такъ, что невольно заставлялъ подумать, что эпитетъ этотъ онъ употребляетъ не столько по родственнымъ отношеніямъ, сколько для собственнаго удовольствія, или вслѣдствіе сдѣланной привычки.

— Ну, будетъ ужъ тебѣ, дядя, наслаждаться природою-то! говорилъ онъ, дергая толстяка за халатъ, въ то время, когда я уже могъ слышать ихъ разговоръ:—пойдемъ-ко лучше въ магазинъ: время ужъ.

— Погоди, племянничекъ, отвѣчалъ «дядя»:—магазинъ отъ насъ не уйдетъ, а душку отвести надо.

— Да чѣмъ тутъ отводить душку?... Пойдемъ, дядя, поскорѣй! продолжалъ настаивать офицеръ.

— Не торопись, племянничекъ, знаешь — слѣпые будутъ.... А вотъ, посмотримъ-ко лучше на этого дядю, продолжалъ онъ, слегка указывая на меня головою:—должно быть изъ вновь прибывшихъ.

И они молча стали смотрѣть на меня.

— Э, да это нашъ братъ-хлѣбодаръ! сказалъ дядя, понизивъ голосъ:—только комиссаріатскій мышонокъ должно быть.

Потомъ, чтобъ не дать мнѣ повода къ подозрѣнію въ томъ, что вниманіе ихъ устремлено на меня, они начали говорить о своихъ дѣлахъ, и притомъ нарочно громко, чтобъ я замѣтилъ это.

Я замѣтилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что толстый господинъ, былъ смотритель Тыртолѣскаго провіантскаго магазина; а собесѣдникъ его офицеръ, командированный изъ полка, для завѣдыванія перевозкою провіанта изъ мѣстечка Михайловки въ Тыртолѣсскъ.

Разговоръ «хлѣбодаровъ» показался мнѣ очень интереснымъ, но на этотъ разъ, я долженъ былъ остаться при одномъ намѣреніи рано или поздно возобновить его, потому что поравнявшись въ ту же минуту съ разговаривавшими, не было возможности ни вслушаться въ него, ни принять въ немъ участія.

— Позвольте спросить, обратился я съ поклономъ къ дядѣ и указывая на ворота:—здѣсь живетъ комиссаръ Гаврющенко?

Толстякъ приподнял голову, и не запахивая халата, отвѣчалъ:

— Здѣсь живетъ комиссаръ, только не Гаврющенко, а Оумичъ; Гаврющенко же здѣсь совсѣмъ нѣтъ.

— Да онъ-то и есть Гаврющенко, сказалъ я, улыбнувшись странной извѣстности Тыртолѣскаго комиссара: — благодарю васъ; мое почтеніе! прибавилъ я, отправляясь къ воротамъ.

— Ишь ты: каковъ Оумичъ! говорилъ дядя, провожая меня глазами:—у него особая фамилія есть!... Ахъ, я дуракъ! вскричалъ онъ вдругъ, направляясь къ выходу изъ палисадника:—ужь третій мѣсяцъ держу письмо на имя Гаврющенко: думалъ, вотъ, вотъ пріѣдетъ въ госпиталь другой комиссаръ!... Пойти, отослать скорѣе!

Между тѣмъ, я вошелъ во дворъ комиссарскаго дома. Два большихъ лягавыхъ щенка бросились было на меня, но замѣтивъ мой мундиръ, къ которому они, какъ видно, питали особенное довѣріе, успокоились, и виляя хвостами, проводили меня до первой комнаты, гдѣ и улеглись на тощемъ тюфякѣ, брошенномъ въ углу собственно для ихъ употребленія. Въ этой комнатѣ не было никого; но изъ слѣдующей, слышался звонъ золотой и серебряной монеты, сопровождаемый однообразнымъ счетомъ различнаго наименованія цифръ. Оказалось, что деньги считалъ тотъ самый хромой солдатъ, котораго я видѣлъ у воротъ комиссарскаго дома. Деньги были разсыпаны на столѣ и складывались имъ въ кучки. Кромѣ звонкой монеты, были тамъ и кредитные билеты, не только мелкихъ цвѣтовъ, но и сѣраго.

— Ты что это дѣлаешь! вскричалъ я, думая внезапною сконфузить счетчика и обнаружить его умыселъ.

Но онъ, не обращая вниманія на мой возгласъ, продолжалъ считать своимъ мѣрнымъ, однообразнымъ голосомъ:

— Сорокъ восемь, сорокъ девять, сорокъ десять.... пятьдесят.... пятьдесятъ рублей.... Деньги считаю, ваше благородіе, закончилъ солдатъ, вставая со стула.

— Чѣмъ это деньги?

— Казенныя, ваше благородіе; приказали комиссаръ, еще одновѣ сосчитать: нѣнча на пошту отправляютъ.

— Вотъ какъ!... ну, хорошо; а какъ же ты, разбойникъ, сказалъ мнѣ, что комиссаръ не здѣсь живетъ? спросилъ я, не скрывая досады за напрасную прогулку.

— Это точно, ваше благородіе: Гаврющенко комиссаръ не здѣсь живетъ, а живетъ здѣсь комиссаръ Ѳомичъ; такъ вы его не изводили спрашивать.

— Да вѣдь онъ же и есть Гаврющенко?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: это можетъ какой другой; а этотъ точно, что Ѳомичъ...

— Ну, пусть же онъ будетъ Ѳомичъ!... Что жъ, дома онъ?

— Никакъ нѣтъ: напилсь чаю и пошли на прачешну, бѣлье костылявшѣ сдавать.

— На-же, вотъ, отдай комиссару карточку, да покажи, гдѣ помощникъ доктора живетъ.

— А они тутъ близко живутъ, на Людмиловкѣ... извольте, я покажу, ваше благородіе.

Хромой позвалъ собакъ, заперъ ихъ въ комнатѣ, гдѣ были деньги, и заковылялъ впередъ меня, опираясь на свой костыль.

— Вотъ гдѣ помощникъ живутъ! сказалъ онъ, указывая на лѣво, черезъ нѣсколько домовъ.

Между тѣмъ, было уже около восьми часовъ. Въ домѣ помощника, повидимому, давно ужъ всѣ проснулись, и я, войдя во дворъ, узкій и маленькій, тотчасъ же былъ окруженъ цѣлымъ пародонаселеніемъ дѣтей. Ихъ было дѣйствительно много: гораздо болѣе десяти. Всѣ они, по физіономіямъ, подлежали раздѣленію на нѣсколько націй, вышедшихъ изъ различныхъ странъ свѣта: тутъ были черномазья и бѣлобрысыя, курчавыя какъ негрѣнки и съ волосами, подобными льну, или же, щетинистыми, какъ у ежа. Но что болѣе всего казалось замѣчательнымъ— это ихъ носы: одинъ курносѣ другаго; особливо, у самой маленькой черномазой дѣвочки, которая успѣшила отрекомендоваться мнѣ Лизой: такой курносой дѣвочки я отъ роду не видывалъ; но за то, никогда не видалъ и такихъ умныхъ глазъ,

большихъ, черныхъ и блестящихъ, какъ при свѣчкѣ два камня граната.

Глядя на курносыхъ дѣтей и признавая ихъ по этой примѣтѣ братьями и сестрами, я сначала подивился было плодовитости докторской помощницы. Но потомъ, воспользовавшись любознательностію, съ которою двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ ошупывали меня и мои карманы, я успѣлъ присмотрѣться къ ихъ костюмамъ, и тотчасъ же оставилъ всякое предположеніе о существованіи между ними кровныхъ узъ: болѣе курносые дѣти были не такъ хороши собою, за то одѣты хотя просто, но очень опрятно и держали себя рѣзко, но мило. Менѣе же курносые, и даже очень красивенькія дѣти, почти всѣ были одѣты въ шелкъ, но истасканный, запачканный, заплатанный. Вели же они себя просто нахально.

— А ты знаешь, говорилъ мнѣ трехлѣтній мальчуганъ съ изряднымъ синякомъ на лбу: — ты знаешь, сто я могу посадить тебя на абвахту! Ты не знаешь, кто мой отецъ? закончилъ онъ, вытаскивая свою руку изъ задняго кармана моего мундира.

— А нашъ папаша генераль! подхватила хорошенькая дѣвочка, должно быть старшая сестрѣнка мальчугана.

— Душенька, я боюсь: не сажай меня, пожалуйста, на гауптвахту, сказалъ я ему.

— А не хочешь на абвахту, такъ давай сейчасъ конфетовъ намъ! отвѣчалъ генеральскій сынъ.

— А наша мамаша, перебила генеральская дочь: — уѣхала съ панашей.

— А гдѣ вашъ папаша? спросилъ я у другихъ дѣтей.

— Тамъ! тамъ! папаша, папаша! продолжали кричать дѣти, убѣгая со двора въ домъ:—къ вамъ офицеръ пришелъ!

На порогѣ одной изъ дверей появился небольшого роста человекъ, который, несмотря на огромную лысину, сразу являлъ своею физиономіею прототипъ архикурносой Лизы. Только глаза его казались не того цвѣта и не такъ блестящи, какъ у нея, и были закрыты совершенно темными очками. Несмотря на старый пестрый халатъ, въ которомъ онъ былъ одѣтъ, по всему остальному костюму слѣдовало замѣтить, что хозяинъ его намѣренъ идти сейчасъ изъ дома.

— Милости просимъ! сказалъ онъ мнѣ, указывая дорогу впередъ себя и скрываясь самъ въ боковую комнату.

— Вы помощникъ главнаго доктора? спросилъ я, войдя въ небольшую, но чистую и уютную комнату, которая, судя по размѣрамъ дома и его населенія, ходила за-урядъ нѣсколькихъ комнатъ въ свое время.

— Я-съ! отвѣчалъ помощникъ, возвращаясь изъ другой комнаты уже въ форменномъ вицъ-мундирѣ.

Послѣ рекомендательной фразы съ моей стороны и передачи привѣтствій по поводу отношеній, въ которыя судьба насъ поставила, съ обѣихъ сторонъ, помощникъ попросилъ меня сѣсть. Но не успѣлъ я это сдѣлать, какъ изъ дверей сосѣдней комнаты вышла къ намъ недурная собою, довольно худощавая дама, въ утреннемъ очень приличномъ костюмѣ. На взглядъ ей было не болѣе двадцати-восьми лѣтъ; а выразительность и игривость ея физіономіи скрадывали не одинъ годъ и изъ этой цифры. Что же касается ея замѣчательныхъ глазъ, то нельзя было по нимъ не узнать мать курносой Лизы.

— Душка! А не хочеть ли твой гость чаю? спросила она такимъ голосомъ, къ которому сразу трудно было привыкнуть, хотя онъ не заключалъ въ себѣ ничего непріятнаго. Въ то же время она отвѣчала на мой поклонъ.

— Благодарю васъ: я пилъ.

— Ну, а не хотите, какъ хотите, отозвалась помощница, намѣреваясь возвратиться во-свои.

— Душка! это новый смотритель нашъ, Иванъ Константинычъ Гурдинъ, сказалъ докторъ, представляя меня женѣ.

— Прошу вашего вниманія, добавилъ я.

Докторша на это какъ-то странно улыбнулась и поклонилась слегка.

— У васъ, кажется, большое семейство? спросилъ я доктора.

— Да! наградилъ Господь! хладнокровно сказалъ докторъ.— Трудновато жить, продолжалъ онъ: — содержаніе небольшое, а дѣтей воспитываемъ кой-какъ: голодны и раздѣты не бываютъ, отвѣчалъ помощникъ съ грустной и какъ будто лукавою улыбкою:—впрочемъ, прибавилъ онъ въ заключеніе: — разумѣется, бьешься какъ рыба объ ледъ.

— И зачѣмъ это мы женимся, не имѣя достаточнаго обезпеченія для будущаго? невольно сказалъ я, припомнивъ собственные обстоятельства.

— Кажется, это пристрастіе свойственно только намъ однимъ, Русскимъ, отвѣчалъ помощникъ: — Нѣмецъ, напримѣръ, имѣеть склонность къ семейной жизни : но онъ женится тогда только, когда навѣрное знаетъ, что семейную свою жизнь поведетъ онъ въ полномъ довольствѣ... А впрочемъ, и то сказать: еслибъ женились одни богатые, такъ вселенная наша очень скоро опустѣла бы совсѣмъ, или же населилась бы людьми незаконнорожденными...

Съ минуту длилось молчаніе.

— Да, ужъ таковъ Русскій человекъ! началъ помощникъ, снова обращаясь къ способности этой націи жить какъ рыба во льду:—куда его ни сунете, въ какія скверныя условія ни поставьте, онъ вѣчно вывернется, вѣчно выйдетъ изъ воды сухимъ, и какъ ни въ чемъ не бывалъ, станетъ вамъ рапортовать: «все обстоитъ благополучно!..»

— Странное свойство! замѣтилъ я, задумавшись надъ его словами.

— Странное!.. Нѣтъ, не странное, а просто почтенное, отвѣчалъ помощникъ съ горячностью, обличавшею въ немъ большаго патріота: — страннаго тутъ мало: пожалуй, вонъ и Французъ всякую всячину переносить и только посмѣивается-себѣ... да на долго ль у него терпѣнія хватить?... А Русскій человекъ! Припомните только пословицы его: всѣ сочинены про скверный случай, да такъ притомъ ловко, что какъ съ перваго-то разу взглянешъ на нихъ, такъ выходитъ, что оно какъ будто и точно можно весь вѣкъ прожить безъ хлѣба, да безъ тулуша...

Помощникъ остановился и понюхалъ табаку, который сохранился у него въ довольно нечистой и исписанной бумажкѣ.

— Ну, а можно ль жить на свѣтѣ безъ хлѣба и безъ тулуша, продолжалъ онъ, немного помолчавъ:—про то, мы съ вами хорошо извѣстны; про то знаетъ и правительство : оно вонъ для этой надобности и госпитали учредило, прибавилъ онъ съ легкой ироніею, которая такъ шла къ его нѣскольکو косоватымъ глазамъ.

— Кстати о госпиталѣ, сказалъ я:—вы, кажется, собрались идти къ своимъ больнымъ?

— Да, ужъ время... Пойдемте вмѣстѣ, если у васъ нѣтъ особеннаго занятія.

— Не имѣю никакого, и притомъ хотѣлъ идти именно въ госпиталь.

Онъ взялъ шапку и палку, и мы вышли.

— Вотъ вы, какъ я слышалъ, прямо изъ фронта къ намъ перешли, продолжалъ онъ дорогою: — да еще слышалъ я, что вы человѣкъ не дюжинный; любопытно мнѣ теперь знать, какою-то покажется вамъ служба наша: не скоро, я думаю, вы помиретесь съ нею!

— Признаюсь вамъ, что не помышляя еще о вашей службѣ, я уже былъ не очень высокаго о пей мнѣнія; а теперь, когда дѣло мое сдѣлано и вернуться назадъ уже нельзя, а я успѣлъ къ тому же понабраться кой какихъ свѣдѣній, надо согласиться: что вы, кажется, дѣйствительно правы; и я, повидимому, не только помирюсь съ нашею службою не скоро, но и не знаю, какъ съ нею помирюсь.

Мы шли тихо. Помощникъ слушалъ меня внимательно и съ такимъ же вниманіемъ, хотя и безъ особеннаго напряженія, поглядывалъ изрѣдка мнѣ въ лицо.

— Я вамъ вѣрю, сказалъ онъ въ отвѣтъ: — дѣйствительно, вы должны имѣть не слишкомъ лестное мнѣніе о нашей службѣ, а тѣмъ паче о насъ, служащихъ въ ней; но... знаете ли что? Я не стану вамъ говорить такъ, какъ многіе говорятъ людямъ, находящимся въ вашемъ положеніи: «а, да что: привыкнете!...» Или, какъ говорятъ нѣкоторые изъ этихъ людей сами себѣ: «э, да я привыкну!...» и этою фальшивою, но звучною нотою заглушаютъ тонкій серебристый звукъ инструмента, который зовется совѣстью... Да; такъ я не стану вамъ говорить въ этомъ родѣ; но я вамъ вотъ что скажу: не думайте о насъ и о нашей службѣ слишкомъ много дурнаго: вы ошибетесь... Безъ всякаго сомнѣнія, есть и въ службѣ нашей кой-что дурное; есть и между нами много всякой челяди, къ которой мы сами питаемъ полное презрѣніе; но стоитъ только заpastись немножко философіею, такъ, право, все это сойдетъ и можно будетъ совсѣмъ помириться...

— То есть, привыкнуть?

— Нѣтъ, не привыкнуть, а разъяснить себѣ разумнымъ образомъ факты, которые возбуждаютъ въ насъ соблазнъ и которые кажутся намъ зломъ неизбѣжнымъ; вотъ это-то разъясненіе и составляетъ предметъ философіи, которою я совѣтую запа-

стись всякому порядочному человѣку, поступающему, не скажу въ комиссаріатъ, а именно въ госпитальное вѣдомство.

— Вы, докторъ, большой философъ, замѣтилъ я:—но только съ вашею философіею, мнѣ кажется, можно придти къ одному заключенію: что зло такъ и должно оставаться зломъ, и что не слѣдуетъ даже принимать мѣръ, чтобъ уменьшать его, а ужъ не говорю искоренить.

— Искоренить! съ злостью передразнилъ докторъ:—я знаю, охотниковъ искоренять зло есть много; нынче это какъ-то въ модѣ: чуть чиновникъ укралъ два двугривенныхъ — цѣлыя массы людей спѣшатъ искоренять его: виновный съ горя начинаетъ пить, и большею частію отъ пьянства и умираетъ или кончаетъ свое земное поприще какимъ нибудь инымъ неблаговиднымъ способомъ; а семья его перемираетъ съ голоду, да отъ разныхъ лишений... Подлинно, искореняютъ!...

Докторъ запыхался. Мы остановились на бульварѣ и присѣли на скамейку. Онъ немного отдохнулъ, понюхалъ табакъ и продолжалъ:

— Впрочемъ, мы отбились отъ настоящаго предмета: мы говорили о госпитальной службѣ, такъ и будемъ говорить собственно о ней: тутъ своего рода философія нужна...

— Которая бы помирила, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не помирила, а уяснила бы, съ нѣкоторой досадою отвѣчалъ докторъ:—да позвольте у васъ спросить: вы что разумѣете подъ словомъ философія?

— Госпитальная, сказалъ я, стараясь не улыбнуться.

Докторъ сначала махнулъ съ досады рукою и крикнулъ; но потомъ опять понюхалъ табакъ, немножко подумалъ и самъ засмѣялся.

— Вы ужъ были въ передѣлкѣ, сказалъ онъ, въпрочемъ, безъ всякаго жеманства:—замѣтно даже, что вы и говорили съ ракалиями и ракалиозныя ихъ дѣйствія видѣли.

— Вы сердцевѣдецъ, докторъ, но все таки и философъ, стало быть...

— Этого мало, перебилъ онъ:—я еще извѣстенъ здѣсь, какъ господинъ, который любитъ мутить воду для того, чтобы въ ней рыбу удить... Но пусть ихъ страдаютъ! Ни однимъ словомъ досады я не потѣшу ихъ; оттого, что я не тотъ рыбакъ, о которомъ они думаютъ.

Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на доктора. Да какъ же хорошо онъ все видитъ своими косыми глазами! Личность, какъ видно по всему, замѣчательная! Въ самомъ дѣлѣ, едва ли онъ такой «рыбакъ», какъ отозвался о немъ управляющій; что жь! можетъ быть управляющій и тутъ будетъ неправъ. Посмотримъ.

— Бросимъ, однако, это! продолжалъ докторъ, вставая со скамьи и направляясь далѣе:—это одна изъ тайнъ тыртолѣсскаго госпиталя, которая, если еще не дошла до васъ, то дойдетъ скорѣе рано, нежели поздно, чортъ съ нею!... Поговоримте-ка лучше вообще о нашей службѣ... Если вы человѣкъ дѣйствительно порядочный и притомъ мужчина, а не баба, то вооружитесь-ко философіею, да притомъ безъ всякихъ затылочныхъ мыслей, а просто и прямо, какъ умному и честному человѣку надлежитъ: право, раскаяваться не будете.

— Да; такъ что же слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «философія?» Вѣдь вы сказали, что въ нашей службѣ философія должна быть своего рода.

— Это правда; но сначала общій взглядъ: философіею я называю способность съ невозмутимымъ хладнокровіемъ объяснять себѣ, или, пожалуй, приводить въ извѣстность все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; что принято въ обыкновеніе людьми и что въ то же время кажется нашему уму ничѣмъ инымъ, какъ зломъ, какъ фактами, противными здравому разсудку, или логикѣ, или совѣсти... Разсмотрѣвъ такимъ образомъ каждую штуку со всѣхъ сторонъ, объяснивъ причины каждаго дѣйствія, вы придете къ убѣжденію: что то, что невѣжды, или, пожалуй, люди незнающіе дѣла, называютъ зломъ, часто есть ничто иное, какъ добро.

— Вотъ тебѣ разъ! вскричалъ я:—шутите вы со мною, докторъ, что ли?

Докторъ остановился и въ свою очередь поглядѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ; но потомъ, какъ бы одумавшись, вдругъ засмѣялся и продолжалъ путь тѣмъ же медленнымъ шагомъ.

— Нѣтъ, я не шучу, сказалъ онъ: — а только выразился слишкомъ туманно для васъ; я вѣдь и позабылъ, что въ нашемъ дѣлѣ вы еще нисколько не искусились... Впрочемъ, обвиняйте въ этомъ методу воспитанія и преподаванія въ духовныхъ учи-

лицахъ, гдѣ большая часть насъ, медиковъ, готовится для поступления въ академію: тамъ вѣчно отъ глазъ ученика за-слоняютъ истину учеными преніями, да велемудрыми фразами, которыя словно старыя вѣдьмы-свахи окружаютъ красавицу молодую отъ поисковъ новобрачнаго... Такъ изволите ли видѣть, переводя мои слова на болѣе понятный языкъ, получимъ: что если вы вооружитесь философіею, да тѣ наши непотребныя дѣла, которыя, мимоходомъ сказать, неизбѣжны, будете анализировать, не позволяя себѣ ни на одну секунду бросать нить вашихъ размышлений, тогда достовѣрно и неуремѣнно узнаете, въ чемъ именно заключается зло, гдѣ именно и какъ глубоко сидитъ оно въ почвѣ; и тогда-то вы будете имѣть возможность искоренить его, не истребляя индивидуумовъ въ родѣ и родѣ ихъ; ergo?...

Сказавъ это, докторъ вдругъ замолчалъ и посматривалъ на меня съ сіяющимъ лицомъ, какъ бы ожидая отвѣта.

— Ergo! сказалъ и я, не зная, какое заключеніе слѣдовало вывести изъ его тезиса, который, несмотря на заблаговременную оговорку, все еще отзывался семинарскимъ диспутомъ въ присутствіи отца-ректора.

— А слѣдуетъ то, отвѣчалъ докторъ диктаторскимъ тономъ, который живо напомнилъ мнѣ секретаря Брыковскаго, когда онъ начиналъ свою рѣчь именно этою фразою: слѣдуетъ то, что искоренивъ зло, вы будете имѣть возможность насадить вмѣсто него сѣмена добра или плевелы, или все, что вамъ будетъ угодно... Только повторяю: для этого мало быть человѣкомъ въ душѣ порядочнымъ: надо быть еще и умнымъ человѣкомъ, который не задумается для пользы многихъ пожертвовать выгодами немногихъ.

— Отчего же до сихъ поръ никто не посѣялъ на нашей почвѣ сѣмянъ добра? Вѣдь ужъ сколько людей съ основанія госпиталей рылся въ этой почвѣ? Неужели жъ между ними не было ни одного умнаго и въ душѣ порядочнаго человѣка?

— Были, да ничего не могли сдѣлать; оттого, что или принимался за дѣло не умѣючи, горячо; или энергіи, да терпѣнія не доставало, или не доставало силъ для борьбы съ окружавшими ихъ соблазнами; а больше оттого, что самая служба наша въ забросѣ, въ пренебреженіи: тутъ ужъ больше виновато наше глауповатенькое, подбитое вѣтеркомъ общественное мнѣніе, ко-

торое ужасно любить казнить, а не любить рассуждать и разбирать причины... А кромѣ того, еще Петръ Великій гдѣ-то написалъ: «воры—коммиссары», и съ тѣхъ поръ все схватилось за эти два слова, да не объясняя себѣ значенія и возможности ихъ въ старые годы, носятся съ ними въ противность законамъ изяшнаго вкуса вотъ ужъ цѣлыхъ полтора столѣтій, не заботясь придумать для этой матеріи какой нибудь другой фасонъ... На это, небось, моды не изобрѣтутъ!... Вотъ отъ этого и служба наша упала? отъ этого и идутъ—то въ нее, только Богъ знаетъ кто!

Докторъ понюхалъ табаку и продолжалъ:

— Да вотъ, еще мы грѣшныя, служимъ по коммиссаріату... А служимъ больше оттого, что казеннокоштными были... Есть, правда, и изъ насъ охотники служить по госпиталямъ, да ихъ немного; а большая—то часть думаетъ, что кабы немножко побольше содержанія, или вообще средствъ къ жизни, такъ его и калачомъ сюда не заманили бы... Ну, и служимъ; глядимъ себѣ на то, что вокругъ насъ дѣлается, да и думаемъ...

Докторъ задумался и замолчалъ.

— Что жъ вы думаете? спросилъ я, заинтересованный его разговоромъ.

— Ну, объ этомъ ужъ послѣ, сказалъ онъ очнувшись: — будемъ чаще видѣться, такъ и потолкуемъ, если не покажется вамъ скучно... Сегодняшній разговоръ назовемъ, пожалуй, лекціею первую; при случаѣ, начнемъ вторую; а теперь, если хотите, я предложу вамъ нѣкоторую тему для слѣдующей лекціи: разберите ее и приготовьте къ нашему свиданію опроверженіе... Хотите?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Такъ вотъ вамъ тема: смотритель госпиталя есть такой полный хозяинъ въ госпиталѣ, что даже наше медицинское начальство, признавая необходимость этого условія, снабжаетъ инструкціями главныхъ госпитальныхъ докторовъ, о всевозможномъ стараніи поддерживать съ смотрителями добрыя отношенія... Ну, хорошо. Стало быть, смотритель имѣетъ всѣ средства управлять госпиталемъ, какъ ему угодно... Вотъ изъ этого-то и зарождается вопросъ... Напримѣръ, по вашему мнѣнію: вы какъ должны управлять госпиталемъ?

— Я не знаю; вотъ посмотрю... Если для госпитальной службы нужна особая философія, то я думаю, она необходима и для каждаго госпиталя порознь.

— Bravo! Мы съ вами будемъ полезны нашей службѣ!... Теперь, прямо къ вопросу: есть три способа управлять госпиталемъ...

— Я слышалъ, что два.

— Нѣтъ, три, отвѣчалъ помощникъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣній: — во-первыхъ, можно управлять госпиталемъ, соблюдая свои выгоды, не затрагивая выгодъ ближняго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допуская грабежа казны, притѣсненія больныхъ; держа госпиталь въ порядкѣ, подчиненныхъ въ повиновеніи, сослуживцовъ въ любви и почтеніи, начальство во всегдашнемъ удовольствіи...

— Объ этомъ способѣ я слышалъ, перебилъ я.

— Нѣтъ, объ этомъ способѣ вы не слышали, спокойно возразилъ помощникъ: — то, да и то... А надо вамъ сказать, что этотъ способъ и есть настоящій, которымъ смотритель *непремьно долженъ* руководствоваться, если только онъ не дуракъ... Ну-съ, во-вторыхъ, можно управлять госпиталемъ и такъ, что отказавшись, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, отъ собственныхъ выгодъ, недопускаемыхъ совѣстью, — зажмурить глаза на выгоды ближняго, который этимъ не стѣсняется, и не препятствовать ему пользоваться ими... Это тоже хорошо, но глупо...

— И объ этомъ способѣ я слышалъ, прервалъ я, вспомнивъ настойчивость моего генерала, съ которою онъ старался довести меня до сознанія, что «это глупо».

— Слышали вы и этотъ звонъ, отвѣчалъ помощникъ: — но все-таки, не знаете откудава онъ... А вотъ вамъ и третій способъ... Были такіе люди, которые вѣрили въ возможность его; но вы сами посудите, чего ради они хотѣли: они хотѣли отказаться отъ собственныхъ своихъ выгодъ, съ тѣмъ, чтобъ отнять ихъ и у сослуживцовъ... Само собою, дѣло невозможное; и хотя господъ этихъ, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать образцами высокой честности и рыцарскаго благородства, однако, рыцари эти, всѣ до одного падали подъ бременемъ высокихъ ощущеній... Что жъ тутъ хорошаго есть? Только блистательное предостереженіе для тѣхъ, которые вздумали бы идти по этой

же дорогѣ... Послѣ этого, согласитесь, что человекъ умный непремѣнно долженъ отвергнуть этотъ способъ, какъ не представляющій возможности къ принятію, въ случаѣ надобности, мѣръ противъ разнаго рода дурныхъ послѣдствій... Такъ вотъ-съ вамъ моя тема, а вотъ и госпиталь... Ба! да это что такое? вскричалъ помощникъ, остановившись на одной изъ дорожекъ госпитальнаго бульвара, и всматриваясь въ движеніе на площади.

— Татаринъ канатъ натянулъ, отвѣчалъ подбѣжавшій къ намъ фельдфебель:—ужо плясать будетъ; и раѣвщики съ Михайловки пріѣхали, комидію будутъ представлять; а господинъ комендантъ велѣли качели поставить: крѣпостной праздникъ нонче.

— Ну, ну, посмотримъ послѣ на плясуна, сказалъ помощникъ: — таковъ ли этотъ молодецъ, какъ тотъ, который былъ здѣсь прошлаго года.

— А я такъ раѣвщика послушаю! раздался позади насъ громкій голосъ, сильно ударявшій на *о*: — знатныя исторіи иногда, бестія, рассказываетъ.

Мы обернулись. Сзади насъ стоялъ только что подошедшій старикъ высокаго роста, въ длинномъ тепломъ сюртукѣ военно-медицинскаго вѣдомства. Веселая и добродушная физіономія старика говорила объ уживчивости его характера и о склонности къ общежитію; а свѣжесть лица и плотная фигура свидѣтельствовали, что шесть десятковъ годовъ, прожитыхъ имъ на бѣломъ свѣтѣ,—прожиты очень благополучно, безъ горя и печали, грызущихъ душу, отравляющихъ жизнь и обращающихъ человѣческое лицо въ сморщенный грибокъ. На передней части головы старика виднѣлась небольшая лысина; всѣ же остальные волосы, которыхъ было еще очень много, бѣлизною своею походили на лунный свѣтъ; а сильная желтизна нѣкоторыхъ означала только то, что когда-то были они рыжіе.

— Здорово, братцы, здорово! говорилъ онъ, протягивая намъ обѣимъ руки: — а вы зрителемъ, должно быть, къ намъ пріѣхали? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — ну, послужите, послужите съ нами: посмотрите вы на насъ, а мы на васъ... Мы побачимъ, такой ли вы сердитый господинъ, какъ намъ говорили; а вы увидите, такіе ли мы интересаны, какъ про насъ говорятъ... Куда бѣжишь, Оумичъ? закричалъ онъ спѣшившему по-

одадь насъ комиссару: — подь сюда, давай намъ цыгарокъ!... Вы курите? обратился онъ потомъ ко мнѣ.

— Курю-съ.

— Ну, и доброе дѣло; а вотъ, кто не курить, какъ нашъ Олексѣичъ, продолжалъ онъ, указывая на своего помощника: — да еще вмѣсто того, святой носъ табакомъ набиваетъ, — тотъ, право, недобрый человѣкъ; старовѣръ, значить, который не признаетъ, что эта травка создана господомъ Богомъ тоже на потребу человѣку... Ну, давай цыгарокъ-то!

Послѣдняя фраза относилась къ комиссару, который подойдя къ намъ, раскланялся очень вѣжливо, хотя немного подобострастно, и вынувъ изъ кармана портъ-сигаръ, подчивалъ насъ, но не сигарами, а папиросами. Не знаю почему, показалось мнѣ, что сегодня Оомичъ еще ниже ростомъ, чѣмъ былъ вчера. Правда, что вмѣсто вчерашняго мундира, онъ былъ закутанъ въ широчайшую военного покроя шинель, которая по этому, можетъ быть, и скрадывала его ростъ.

— Знатныя цыгарки! говорилъ докторъ, закуривая папиросу и не обращая вниманія на настоящее ея званіе:—гдѣ Оомичъ табакъ берешь?

— У Давыдки-съ, Василій Петровичъ.

— Знатный табакъ! А почему берешь?

— По шестидесяти копѣекъ-съ.

— Серебромъ?

— Серебромъ-съ.

— Это значить, что же?... Два рубля... два рубля десять копѣекъ... Не дорого. Ну, а имущество у тебя все цѣло?

— Цѣло все-съ.

— Ну хорошо, смотри же, братъ, чтобы все было цѣло навсегда; а то, чуть мало-мальски что нибудь не такъ,—мы за тебя примемся: пурганцу такого зададимъ, что забудешь, когда именинникомъ бываешь; да кромѣ того, каждый мѣсяцъ пейхгаузы твои повѣрять станемъ... а я знаю, ты этого не любишь!... Да, кстати: ты теперь, когда именинникомъ будешь?

— Да онъ только третьяго дня былъ, отозвался помощникъ.

— Нужды нѣтъ: чѣмъ чаще, тѣмъ лучше... Ну сказывай же Оомичъ: когда именинникомъ будешь?

— Когда угодно, съ смиренною улыбкою отвѣчалъ Оомичъ.

— Ну, будь же ты послѣ завтра именинникъ! Сегодня, милости просимъ ко мнѣ; завтра Олексѣича сдѣлаемъ именинникомъ, а ужь послѣ завтра къ тебѣ, Фомичъ.

— Вы, дѣдушка, ужь слишкомъ налегаєте на Фомича, замѣтилъ помощникъ.

— Ничего: молодъ, отыграется, отвѣчалъ дѣдушка:—на то онъ и Фомичъ; онъ добрый малый.

— Сдѣлайте одолженіе, покорно прошу!... бормоталъ комиссаръ, усердно раскланиваясь на всѣ стороны.

— Ладно, ладно: хоть не проси, такъ будемъ, говорилъ старикъ, смѣясь зычнымъ задушевымъ смѣхомъ:—а постой!... вояъ, никакъ еще одинъ табачный носъ идетъ, продолжалъ онъ, посматривая вдаль, гдѣ какой-то человекъ шелъ очень скорыми и очень неровными шагами, болтая при этомъ руками въ противность всякимъ законамъ гимнастики, что составляло немовѣрно странную походку.

— Эй, Ефимъ Ефимычъ! куда, братъ, наострилъ лыжи-те? кричалъ дѣдушка:—подь-ко сюда, побесѣдуемъ!

Ефимъ Ефимычъ повернулъ свои лыжи въ нашу сторону и, не взирая на неудобную походку, очень скоро очутился подлѣ насъ. Онъ былъ тоже медикъ; глаза имѣлъ желтоватые, свидѣтельствовавшіе о перенесенной имъ болѣзни, оставляющей послѣ себя слѣды такого рода. Доброе, продолговатое лицо его и каріе глаза говорили, что онъ просто добрый малый; подойдя къ нимъ, докторъ понюхалъ табакъ съ особеннымъ увлеченіемъ.

— Ишь какъ вѣдь нюхаетъ! сказалъ онъ, глядя на него съ величайшимъ интересомъ:—вѣдь чисто запоемъ!... Эй Ефимъ Ефимычъ! смотри, братъ, колодцы всѣ засорились!... Помяни мое слово: запростишь ты свой носъ!... Ну, а супруга-то здорова? продолжалъ онъ, не замѣчая нѣкоторой непослѣдовательности въ своихъ вопросахъ.

— Что ей дѣлается! отвѣчалъ Ефимъ Ефимычъ, съ трескомъ отряхая табакъ, приставшій къ его худымъ пальцамъ:—опять родила... Что съ нею станешь дѣлать!...

— Вотъ какъ! поздравляемъ!... Это который же?

— Пятый, со вздохомъ отвѣчалъ Ефимъ Ефимычъ.

— Ну, а у меня, братцы, отозвался на это дѣдушка:—какъ есть теперь семеро, такъ семеро и останется... Одначе, тутъ насъ почти весь штатъ собрался, продолжалъ, онъ оглядывая

насъ: — только Карла Абрамыча нѣту, да маленькаго Эскулапишки Прудзинскаго... Будетъ намъ лясы-те точить!... Пойдемъ, братцы, на работу: десертъ-оть послѣ, а теперича поработаемъ!

Докторскій помощникъ направился съ Ефимомъ Ефимычемъ въ одну сторону, комиссаръ въ другую, а я остался съ докторомъ, который глядя на удаляющихся собесѣдниковъ, кричалъ имъ вслѣдъ:

— Заходите жь, братцы, послѣ службы-то ко мнѣ, водочки выпьемъ!... Ну, пойдемъ же теперь по палатамъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — говорятъ вездѣ, что предмѣстникъ вашъ Жигулинъ лишь по нашимъ интригамъ отрѣшенъ отъ должности... Вы посмотрите на наши порядки, и тогда скажите: по нашимъ ли интригамъ онъ могъ быть отрѣшенъ, или по своей же безопасности и нерадѣнію... Тотъ порядокъ, что былъ при немъ, идетъ до сей минуты безперемѣнно: Карлъ Абрамычъ нашъ мастеръ цыгарку курить, а что въ госпиталѣ дѣлается, то не его дѣло... Добрый онъ Нѣмецъ, правду сказать, да работать не любить: съ преобольшуцимъ трудомъ заманишь его въ присутствіе, отчеты подписать... Стало быть, порядковъ прежнихъ онъ не измѣнялъ; да и врядъ ли знаетъ какіе они есть... Ну, пойдемте!

Мы отправились сначала въ тотъ корпусъ, въ которомъ я былъ вчера. Не смотря на то, что было уже около десяти часовъ, время, когда всѣ палаты должны быть окончательно убраны, мы нашли, что онѣ или совсѣмъ не убирались, или уборка въ нихъ еще не кончилась. Всѣ атрибуты лѣни, нерадѣнія и отсутствія малѣйшаго надзора, были на лицо: на полахъ налито и не подтерто; мѣстами, очень явственно виднѣлась грязь; изъ-подъ кроватей не выметали, повидимому, современи учрежденія госпиталя, потому что пыль лежала тамъ толстыми слоями въ совершенно спокойномъ состояніи. Кой гдѣ виднѣлись на кроватяхъ мокрыя и грязныя швабры; кой гдѣ попадались между прислугою посоловѣвшія фізіономіи, отъ которыхъ несло лукомъ и водкой. Въ заключеніе, въ нѣкоторыя палаты донсился запахъ ретирадныхъ мѣсть, который въ палатахъ перевязочныхъ смѣшивался съ запахомъ отъ гангренозныхъ ранъ.

Все это найдено нами какъ въ первомъ корпусѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ безъ исключенія.

Наконецъ, мы кончили осмотръ и вышли на свѣжій воздухъ. Находясь подъ вліяніемъ «жигулинскихъ порядковъ», я сказалъ доктору:

— Да, Жигулинъ отрѣшенъ не по вашимъ интригамъ!

— Ну, вотъ то-то и есть, братецъ ты мой! воскликнулъ онъ, взявъ меня подъ руку и направляясь къ длинному ветхому зданію, отдѣлявшему чистый дворъ отъ чернаго: — Жигулину нечего было сказать противъ генеральскаго рѣшенія — такъ онъ и давай распускать слухи, что «по интригамъ, молъ, медиковъ...» А какое тамъ, по интригамъ!... Бывало, истинно по товарищески говоришь ему: «эй, Петръ Семенычъ, возьми ты въ руки прислугу-то нашу: вѣдь разпынствовались людишки совсѣмъ!...» Такъ куда тебѣ!... «Не ваше, молъ, дѣло учить меня, какъ надо ротою командовать: самъ знаю!...» «Да ты взгляни, молъ, на палаты, пройдися хоть разъ: что тамъ дѣется-то, посмотри!...» «Знаю, говорить, что тамъ дѣется: все, какъ слѣдуетъ быть; а это однѣ придирки ваши; такъ ужъ извините, говорить: что слѣдуетъ, то получаете, а больше дать не могу.» — «Да кто съ тебя требуетъ, Господь съ тобой! Не давай ничего, и ненужно ничего; да порядокъ-те въ госпиталѣ заведи!» — «Нѣту, говорить, извините, порядокъ въ госпиталѣ хорошій; а пятнадцати копѣекъ не дамъ: будетъ съ васъ и десяти...» Что ты съ нимъ станешь дѣлать!... Какъ баранъ, прости Господи!... Наладилъ про свои десять копѣекъ, и никакихъ ужъ резонновъ не принимаетъ: какъ будто, не видали мы его десяти копѣекъ!... Вотъ, бились мы съ нимъ, бились; сношенія даже всякія прекратили... да такъ-то, вскорѣ послѣ праздниковъ, разъ пріѣзжаетъ къ намъ генераль... Прислуга вся была съ похмѣлья; въ палатахъ, не приведи Богъ: куда хуже теперешняго... а тутъ, еще угораздило кого-то изъ больныхъ пожаловаться, что ржаной хлѣбъ попался ему сыроватый, значить, съ закальцомъ, да говядины въ порцію ему мало дали... Ну, и расходился генераль: «Мѣра терпѣнія, говорить, кончилась...» Взялъ, да и отрѣшилъ Жигулина отъ должности... Вотъ она и вся недолга! заключилъ докторъ, вступая на задній дворъ.

Задній дворъ являлъ собою зрѣлище крайне разнообразное и нельзя сказать, чтобы очень привлекательное. Впрочемъ, на то онъ «задній» дворъ. Тутъ были сложены дрова и сѣно; въ разныхъ мѣстахъ лежалъ мусоръ. Недалеко отъ сѣна, стояли быки,

привязанные къ плетневымъ яслямъ и имѣвшіе возможность слѣдить за всѣми измѣненіями атмосферы, испытывая дѣйствіе ихъ на собственномъ не совсѣмъ тучномъ тѣлѣ. Большую часть двора занимало бѣлье, развѣшанное на веревкахъ, поддерживаемыхъ дрючками; и все это помѣщалось на довольно большомъ пространствѣ, окруженномъ съ одной стороны крѣпостнымъ валомъ, съ противоположной ему, не большою и низенькою казармою, а съ остальныхъ двухъ, какими-то двумя зданіями, изъ которыхъ одно мы миновали вступая во дворъ.

— Это тоже больничный корпусъ? спросилъ я доктора, указывая на дальнее строеніе.

— Да, тамъ мы помѣщаемъ прилипчивыхъ больныхъ. А вотъ это цейхгаузъ, прибавилъ онъ, обернувшись назадъ и кивая головою на ближайшее зданіе.

— Какъ цейхгаузъ? вскричалъ, я разсматривая обвалившіяся его стѣны, перегнившій на крышѣ камышь и высокія окна, у которыхъ не было ни стеколъ, ни рѣшетокъ:—что же можно здѣсь сохранять?... Да! прибавилъ я немного подумавъ:—вы хотѣли сказать, что здѣсь прежде былъ цейхгаузъ?

— Нѣтъ, тутъ и теперь сложено все госпитальное имущество: и расхожія вещи здѣсь, и запасныя.

— Можетъ ли это быть! вскричалъ я опять съ величайшимъ удивленіемъ:—да вѣдь въ этомъ строеніи, не только вещи будутъ перепорчены дождемъ, но всякій можетъ вынуть ихъ очень свободно чрезъ окна!

— А часовой-то! преважно отвѣчалъ докторъ, указывая на солдата, расхаживавшаго съ одной стороны цейхгауза, и именно съ той, гдѣ не было оконъ.

Я невольно улыбнулся.

— Тамъ, гдѣ будетъ ходить часовой, сказалъ я:—безъ сомнѣнія воровства не случится; но строеніе такъ велико, что онъ не можетъ, стоя на одномъ концѣ, видѣть, что дѣлается на другомъ.

— Да и ночи-то у насъ какія темныя бываютъ, прибавилъ докторъ:—хоть глазъ выколи!

— Ну вотъ видите ли! сказалъ я:—какъ же тутъ не предполагать явной возможности къ расхищенію имущества!... Вы сами отвѣчаете вѣдь за цѣлость его?

— А какъ же! только попробуй комиссаръ или смотритель размытарить что нибудь, какъ разъ потянуть и меня на цукундеръ.

— Ну, вотъ видите ли! сказалъ я опять:—и у васъ сердце не болитъ?

— Какъ не болѣть: шибко болитъ! какъ подумаешь иногда объ этомъ, въ холодный потъ бросаетъ.... Да чтожь съ этимъ, станешь дѣлать? Ежемѣсячно пишемъ объ этомъ во всѣ мѣста; ну и отвѣчаютъ, что распоряженіе сдѣлано; не знаю ужъ почему не приступаютъ къ работамъ: можетъ, въ казні денегъ мало.... А тутъ, Омиачъ каждый день рапортуетъ, что у него все цѣло; да вотъ, такъ-то и успокоиваешь себя!... «Что жь, въ самомъ дѣлѣ,» подумаешь иногда:—«Господь милостивъ; не допустить же онъ раззоренія многихъ семей черезъ одного какого нибудь негодая.... Ну, и слава Богу: до сихъ поръ ничего не случилось; авось и на предки такъ же будетъ.

— Дай Богъ! сказалъ я:—а на всякій случай нужно принять кой-какія мѣры.

— Какія же? пожалуйста, братъ, прійми: порадуй насъ!

— А мы еще своихъ часовыхъ на ночь поставимъ, хоть двухъ человѣкъ.

— Да вѣдь людишки—то у насъ дрянъ, возразилъ докторъ:— скорѣй другаго сами все разворуютъ.

— А мы выберемъ людей понадежнѣе.... Барабановъ! продолжалъ я, обращаясь къ провожавшему насъ издали фельдфебелю:—выбери шесть человѣкъ солдатъ честнаго поведенія, для ночнаго караула къ цейхгаузу: одинъ притинъ поставь здѣсь, а другой вотъ въ этомъ мѣстѣ.

— Слушаю, ваше благородіе! Да не прикажете ли ставить ихъ на часы съ дрючками: ружей у насъ нѣтъ.

— Да, не полагается, добавилъ докторъ.

— Хорошо, пусть становятся съ дрючками.

— Слушаю, ваше благородіе!

Мы пошли дальше.

— Скажите, пожалуйста, это казенное бѣлье? спросилъ я доктора.

— Казенное; да вотъ, сушильни-то какъ нѣту, такъ на открытый воздухъ и вывѣсили. Хорошо, если ведро—высушится;

а какъ дожди пойдутъ, тогда больные по три недѣли бѣлье и носи.

— Такъ, вѣроятно, по этой-то причинѣ, мойка бѣлья производится по штучно?

— Нѣтъ, у насъ, кромѣ того, и прачешной нѣтъ: совсѣмъ завалилась; опасно для прачекъ.... Да не хочешь ли взглянуть: она тутъ близко, сейчасъ подъ горою.

— Сдѣлайте одолженіе.

Пройдя десятка два шаговъ по фронту бѣлья, мы очутились у самаго берега той же рѣки Тырты, образующей на всемъ своемъ теченіи великое множество зигзаговъ, «колѣнъ», какъ называютъ ихъ солдаты. Въ этомъ мѣстѣ, высокій берегъ спускался къ водѣ нѣсколькими уступами. На одномъ изъ нихъ, болѣе широкомъ, было расположено бревенчатое строеніе, съ перваго раза казавшееся очень ветхимъ, но при болѣе пристальномъ взглядѣ, являвшее полную ветхость только въ одной крышѣ, дѣйствительно разрушенной. Стѣны же строенія, срубленные изъ толстыхъ, еще довольно здоровыхъ бревенъ, только въ одномъ мѣстѣ имѣли скважину, которую можно было уничтожить, забивъ ее доскою. Вообще же, мнѣ казалось, что всѣ неисправности прачешной не представляютъ ни особеннаго труда, ни неодолимыхъ препятствій къ приведенію ея въ состояніе, «годное къ употребленію». Я убѣдился въ этомъ окончательно, спустившись съ докторомъ внизъ и взойдя во внутренность строенія: два солдата и штукъ пятнадцать прачекъ (*) такъ усердно работали и такъ звонко распѣвали при этомъ пѣсни, что, конечно, мысль объ угрожающей неминуемой опасности была очень далека отъ нихъ. Я сообщил замѣчаніе объ этомъ доктору.

— А что онъ! отвѣчалъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ подрядчикъ взялся мыть бѣлье по штучно, онъ и отвѣчаетъ за всякія послѣдствія.... Ну, конечно, дѣло не обошлось безъ того, что онъ крѣпко понадбавилъ прачкамъ заработную плату, такъ что онѣ какъ будто застрахованы теперь.... Да оно, и для насъ-то, знаете, поспокойнѣе: какъ имущество на глазахъ—ну и думаешь себѣ, что вотъ какъ будто цѣлѣе будетъ, чѣмъ за глазами.... А

(*) Въ контрактахъ на довольствіе госпиталей, прачки обозначаются штуками и даже изъ нихъ составляются преинтересныя дроби: $\frac{9}{30}$ прачки, $\frac{11}{30}$ прачки, $\frac{22}{30}$ прачки и т. д.

зданіе, точно, опасно, продолжалъ онъ:—вотъ, придемъ въ контору, прочитайте актъ о немъ: составлялъ инженеръ, а ужъ онъ больше нашего знаетъ въ этихъ дѣлахъ: это его профессія.

Не придумавъ съ разу противъ этого довода никакого возраженія, я только спросилъ:

— Ну, а какже солдаты? Вѣдь они не могутъ подвергать свою жизнь опасности, хоть бы сами того хотѣли.

— Ну и они тоже получаютъ плату, одинаковую съ прачками, отвѣчалъ докторъ:—да вотъ, пойдёмъ въ контору, тамъ прочтаете объ этомъ дѣло, и для васъ все сдѣлается яснымъ.

А. СЛЕСАРЕВЪ.

(Продолженіе впродъ).